

Валерия НАРБИКОВА:

Лит. Россия — 1997 — 28 февр. — с. 6.

СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПРИВИЛА ХАЛЯВУ

— Как по-вашему, что сейчас происходит в Союзе писателей?

— Не знаю. Наверно, все занимаются своими делами. Тут недавно был замечательный эпизод. Моя дочка жила в Переделкине, в Доме творчества писателей. И там странная такая жизнь происходит. Все помещения сдают «Аэрофлоту», и живут там зачастую люди, которые на самолетах летают. Есть и писатели тоже. Но писатели живут в основном на дачах, потому что бедные и сдают квартиру в Москве. То есть если не сдавать квартиру и не иметь дачу в Переделкине, выжить писателю практически невозможно. Он немного незащищенный, и в этом смысле его, конечно, жалко.

Когда я была в Цюрихе, моя приятельница хотела посоветоваться со мной — ей надо было дать интервью насчет Переделкины для одной швейцарской газеты. Она спросила меня: «Что такое Переделкино?» И я ей говорю, что мне трудно сказать так сразу, в общем, место, конечно, очень красивое, фантастика просто, но как бы немножко изжитое, что ли. Мне было очень обидно, когда приехали туда какие-то «новые русские» или иностранцы и сказали, что вообще все это надо снести и построить другие дома. Вот не надо этого делать! Пусть будут плохие дома, пусть будет бедно, пусть будут сдавать хоть «Аэрофлоту», хоть, не знаю, китобойцам или кому-нибудь еще, но пусть это остается как заповедник, как собственность и халява. То есть то, что у человека есть, но он не имеет права на это. Он там живет, пока не умрет. То есть он знает, что он смертный, он будет там жить до последних дней, и если его дети не будут писателями, то их оттуда выгонят, он им не может оставить это в наследство. И даже сейчас. Ничего там не выкупили и не выкупят. Это всегда будет халявой, это никогда не будет никакой собственностью. В этом смысле это, может быть, единственный заповедник, который остался от советской власти, и его надо культивировать.

Советская действительность привила халяву. То есть писатель продавался. За это ему давали квартиру, за это ему давали дачу, за это ему давали то-то и то-то. Теперь как бы он стал нормальным европейским писателем, никто никому ничего не дает. Один человек получает деньги, например, в Германии, а тратит их в Америке. Другой получает деньги в Америке, а тратит их во Франции. Третий вообще

нигде ничего не получает, живет без денег в России. У кого как выходит. Но вот эта халява, которая осталась от Переделкина, — это вещь, пожалуй, уникальная. Ее действительно можно рассматривать как некоторый заповедник, как некоторую зону.

Меня удивляло всегда, что в Переделкине есть кладбище, храм и поселок. То есть живешь в поселке — знаешь, что умрешь. Пойдешь на кладбище — знаешь, что будешь похоронен на этом кладбище. Все близко. Да, между прочим, когда я приехала в Питсбург, меня встретил мой переводчик, который сказал: «Как мне у вас нравится». Я говорю: «Где у нас?» Он говорит: «У вас в России мне очень нравится». Я спрашиваю: «А что нравится?» Он отвечает: «Ну кладбища, например. Там как-то по-домашнему. Деревья растут, скамейки стоят, лавочки. Там сидят люди и кушают». Я говорю: «Понимаешь, они там не кушают, они поминают друзей, своих родственников, которые умерли. Они не приходят туда обедать». И он говорит: «Я тоже очень бы хотел так. У нас этого нет». А он, как оказалось, католик, и у них все на кладбище традиционно, никаких скамеечек, и никто ничего не кушает и не поминает. Так что все Переделкино вместе с кладбищем, со станцией, с поселком надо просто превратить в заповедник.

— Оставить как некий символ советских времён?

— Да. Кстати, как-то я пошла посмотреть выставку, посвященную символизму. Для меня символизм — это некоторое, что ли, движение в литературе конца девятнадцатого — начала двадцатого века. И эта выставка, которую организовал один англичанин, обзревала живопись, литературу и вообще искусство всех времен. И оказывалось, что все — символизм. Макс Эрнст — это символист, Сальвадор Дали, Айвазовский — символисты, и Шишкин — тоже символист. Получается, что все — символисты. И я поняла, что это идет сквозь всю живопись, несмотря на то, кто как рисует, несмотря ни на какие направления в искусстве. Такая сквозная тема. Я провела там довольно много времени. Но больше всего меня поразило то, что я увидела, когда выходила из музея. Это была невероятная картина. На тротуаре лежала пожилая дама, которая споткнулась на лестнице, упала и разбилась в кровь. Из нее текла кровь, была разбита нога — в общем, все. Подъехала «скорая помощь», и ее огородили некоторые люди, которые присматривали за ней. И я поняла, что это тоже некоторый символизм, это тоже, можно сказать, перформенс на этих ступеньках, только в натуральную величину. И если бы ее, этой

картины, не было, то просто, наверное, ее надо было бы придумать.

— Известно, что сейчас прилавки забиты различного рода детективными и любовными бестселлерами и достаточно однообразными сюжетами и, как правило, не несущими большой смысловой нагрузки. Тем не менее такие книжки покупаются и издаются все новые. Как вы считаете, почему основная масса читателей уделяет больше внимания именно подобной литературе?

— Я иногда думала, что, может быть, это хорошо, что примерно до девятнадцатого века люди в России были безграмотные. И читали совсем немногие, которые именно читали. А все остальные просто не умели. Сейчас же грамотные практически все. Но это не значит, что человек, которого обучили грамоте, который может прочитать по слогам, умеет читать.

— Он не знает, как использовать свою грамотность.

— Не то что он не знает, но он как бы незащищен перед ней. Потому что он не знает, куда ему с ней деваться. Он покупает то, что видит, то, что лежит на поверхности. И этого человека надо, наоборот, как бы слегка приручить, что ли.

— А как его приручить, если ему продают исключительно инстинктивную литературу, которая действует на его инстинкты?

— Не то чтобы инстинктивную. Но, например, я знаю, что есть люди, которые читают, чтобы заснуть. Есть такие люди — читают для сна.

— Для них выходят специальные книжки: женские романы и все прочее.

— Да. Некоторые читают только детективы, некоторые — только специальную литературу и в художественной почти не ориентируются. То есть книга существует как некая ниша, в которой этот, назовем

его условно, «грамотный читатель» находит себе какую-то ячейку. Кому что. И это, между прочим, совсем не плохо.

— Хорошо. А вы уверены, что грамотный читатель возникает сам по себе? Ломоносов был безграмотный, а пришел в Москву и всему научился и стал академиком. С другой стороны, если рядом с ним посадить за парту бомжа Сидорова, он никогда не станет Ломоносовым и все равно будет читать только детективы или что-нибудь в этом роде.

— Знаете, я думаю, что, наверно, это уже не зависит ни от книгоиздателя, ни от тиража, ни от чего. Видимо, это зависит просто от человека, просто, чего он хочет. Хочет он что-то понять в жизни или нет? То есть хочет он что-то усмотреть в этом мире, в котором он живет семьдесят, или девяносто, или, может быть, тридцать — кому сколько отпущено — лет? Хоть что-то хочет он понять в этом мире? И он начинает перечитывать огромное количество книг. Тот же самый Ломоносов, который был обычным мальчишкой, жил в деревне, кое-что изучил и поехал в город. Ему хотелось самому что-то открыть, и в этом он был непосредствен. То есть самый замечательный читатель — это непосредственный читатель, который сам для себя что-то открывает. И его не надо ничему учить, ему не надо делать никакие каталоги, где перечисляются книги, он сам все найдет.

— То есть речь идет о человеке, а не о какой-то животной посредственности.

— Да. Не надо делать из литературы и вообще из искусства какую-то кормушку. Вот сейчас есть очень модная вещь, в которую вовлечены некоторые достаточно богатые люди, например банкиры. Они собирают коллекции картин, которые висят в банках, в основном в банках, или находятся в сейфах. Например, Ван Гог в основном находится в сейфах — его никто не видит, его нет ни на каких стенках, он не висит дома. То есть он не предмет наслаждения и даже не предмет увлечения, как у нормального коллекционера. Это престижный художник, которого надо иметь. И есть некоторые книги, которые как бы надо иметь. Такие престижные книги были, скажем, в Советском Союзе. Это была, например, библиотека поэтов: Мандельштам, Пастернак и другие. Но я думаю, что нормальный человек, который нормально читает, проредет сквозь. И он все равно будет читать тот ряд книг, которые ему самому интересны, а не те, которые он должен прочитать или по своей обязанности, или по какой-нибудь своей номенклатурной должности, или потому, что хочет кому-то понравиться из-за этого. Так что он проредет.

Беседу вел
Игорь ЧИЧИЛИН